

13. Isa, Kena & Mundaka Upanishads and Sri Sankara's Commentary / tr. Into English by S. Sitarma Sastri. – Madras: G.A. Natesan & Co., 1905. – 180 p.

УДК 930.23

РАБСТВО И КРЕПОСТНОЕ ПРАВО: К ПРОБЛЕМЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ

Д.С. Самохвалов

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь; dzsarea.com@tut.by*

Рабство и крепостное право рассматриваются как исторические конструкции, основанные на теоретическом обобщении. Потеря понимания их условности привела к искажению представлений о крепостном праве в Российской империи первой половины XIX века.

Ключевые слова: рабство; крепостное право; историография; марксизм.

РАБСТВА И ПРЫГОННАЕ ПРАВА: ДА ПРАБЛЕМЫ ГІСТАРЫЧНАЙ КАНСТРУКЦЫІ

Д.С. Самахвалаў

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці 4, 220030, Мінск, Беларусь; dzsarea.com@tut.by*

Рабства і прыгоннае права разглядаюцца як гістарычныя канструкцыі, заснаваныя на тэарэтычным абагульненні. Страта разумення іх умоўнасці стала прычынай скажэння ўяўленняў пра прыгоннае права ў Расійскай імперыі першай паловы XIX стагоддзя.

Ключавыя словы: рабства, прыгоннае права, гістарыяграфія, марксизм.

SLAVERY AND CORVÉE RESTRAINT: PROBLEMS OF HISTORICAL CONSTRUCTING

D. Samakhvalau

Belarusian State University, 4 Niezależnaści Ave, 220030, Minsk, Belarus; dzsarea.com@tut.by

Slavery and corvée restraint are two historical constructs that are used regarding the Russian Empire of the first half of the 19th century. Misunderstanding of their conventions is the reason of misrepresentation of real status of the Russian serfs.

Key words: slavery; corvée; Historiography; Marxism.

Целью работ историков является реконструкция, а не конструирование прошлого. Тем не менее, они целиком не избавлены от конструкций, представляющих собой продукты мыслительной деятельности самих историков либо заимствования из трудов представителей других наук. Эти конструкции возникают в ходе применения обобщения, прогнозирования, моделирования и других методов научного исследования. Их использование выглядит разумным и неизбежным. Оно отражает определенное понимание исторических событий, подчеркивает своеобразие тех или иных концепций. Однако в долгосрочной перспективе обращение к конструкциям вместо описания конкретных явлений ведет к манипулированию фактами и искажению исторической реальности. Примером тому являются понятия «рабство» и «крепостное право».

Термин «рабство» применяется в европейской философии и науке по отношению к явлению принудительной эксплуатации со времен античности, а потому многим историкам кажется устоявшимся. Первая попытка юридического определения рабства была предпринята в 1926 г. в связи с появлением «Конвенции о рабстве», составленной Лигой Наций [11, с. 36]. В качестве его главной отличительной черты указывалось положение подневольного как собственности. В последней четверти XX в. в социально-гуманитарных исследованиях предпринимались попытки уточнения определения, однако их вряд ли стоит считать успешными. Например, социолог О.

Паттерсон в рамках своей концепции «социальной смерти» раба отделил рабство от других форм принудительной эксплуатации и указал на его следующие черты: социальное насилие, отчуждение от социальной и правовой защиты, социальное унижение [13, с. 17–104]. Как отмечает историк Ф. Купер, «социальная смерть» отражает идеальное представление о рабстве, а не исторический опыт [12, с. 17]. Положение рабов и отношение к ним в сообществах прошлого существенно различались.

Понятие «крепостное право» возникло лишь в первой половине XIX в. в ходе обсуждения положения крестьян в Российской империи, но позже было расширено российскими и советскими историками в отношении различных форм феодальной зависимости, в том числе за пределами России. В юридической нормативной практике оно никогда не применялось. Наряду с ним в российской литературе XIX в. широко использовалось понятие «рабство», но оно имело явно негативный оттенок. Например, Ф. В. Растопчин, критикуя проект В. Б. Стройновского об освобождении крестьян (1808), писал: «Давно с негодованием читал я повторяемые бредни иностранных насчет рабства в России и описание оно пером презрения» [7, с. 124]. При этом сам автор видел происхождение зависимого положения крестьян в древнем рабстве [7, с. 127]. Возможно, изначальное преимущество использования понятия «крепостное право» заключалось в его нейтральности.

Любопытно, что в российской дореволюционной историографии доминировала проблема генезиса крепостного права, а не его определения. По замечанию В. О. Ключевского, работы историков «...были направлены не столько на его юридическую сущность, сколько на его историческое развитие и значение, отвечали на вопрос не о том, что такое это право, а о том, как оно установилось и какое оказало действие на различные стороны народной жизни» [4, с. 6]. Существование термина без ясной дефиниции приводит к конструированию представлений о явлении, с которым он связан. Таким образом, в научной и публицистической литературе появились взгляды о заимствованном характере крепостного права, патерналистском отношении помещиков к крепостным крестьянам, различиях между крепостным правом и рабством. Известный славяновед А. Ф. Гильфердинг отрицал возможность сосуществования двух форм отношений к принудительному труду, одна должна была сменять другую: «В средние века невольничество исчезло, но заменилось крепостным правом, более смягченной формой рабства» [2, с. 345]. К этому надо добавить явную недооценку дореволюционными историками важности рабства в древнерусском обществе [10, с. 8–10]. Единственным исключением является позиция В. О. Ключевского, считавшего, что холопское право и крепостное право – это одно и то же.

В советскую историографию был прочно внедрен исторический материализм – марксистское учение, согласно которому основной способ производства определял специфику общественно-экономических формаций. В частности, К. Маркс выделял рабовладельческий, характерный для античности, и феодальный способы производства [6, с. 7]. И тот, и другой базировались на внеэкономическом принуждении, но рабовладельческий предполагал полное право собственности на раба и произведенные им продукты, а феодальный – право на ренту со стороны феодала как собственника земли. Хотя К. Маркс никогда не утверждал невозможность сосуществования рабства и феодальной зависимости, они являлись принципиально разными системами общественных отношений. Советские историки полагались на схему последовательной смены социально-экономических формаций, причем рабовладельческая формация в их трудах фактически не являлась обязательной. Это создавало определенные проблемы при изучении истории средневековья, так как наличие одновременно рабства и феодальной зависимости на протяжении всей эпохи фиксируется многочисленными историческими источниками. Их решение было найдено в преуменьшении значимости рабовладения.

На примере истории Древней Руси Б. Д. Греков, один из непререкаемых авторитетов советской науки тридцатых – сороковых годов прошлого века, утверждал, что уже во время принятия Русской Правды менялась система хозяйства,

раб переставал себя оправдывать, его с успехом заменяли зависимые крестьяне [3, с. 119]. По его мнению, раб – это «собственность хозяина, живет на иждивении хозяина, средств производства не имеет, работает господским инвентарем на хозяина, никаких государственных повинностей не несет и рассматривается как объект гражданского права» [3, с. 145]. Толкование рабства Б. Д. Грековым максимально приближено к марксистскому, но противоречит Русской Правде и другим европейским средневековым законодательствам, где раб – все таки не только объект, но и субъект права. Более важно то, что, выступая против тезиса В. О. Ключевского о тождестве холопства и крепостничества, он приравнивал крепостного крестьянина к феодально-зависимому: «Крепостной крестьянин имеет собственное хозяйство, основанное на личном труде, а в силу зависимости от своего хозяина-феодала обязан ему феодальной рентой и в то же время несет многочисленные государственные повинности» [3, с. 145]. Важно понять, что «рабство» и «крепостное право» здесь превращаются в конструкции, основанные на вере в теорию взамен анализа фактов.

Несмотря на то, что многие тезисы Б. Д. Грекова позже пересматривались, принципиальное разделение рабства и крепостничества оставалось в силе, распространялось через систему образования посредством учебников и учебных пособий, подкреплялось марксистскими выкладками. Между тем, К. Маркс не видел различия между положением рабов и российских крепостных. Об этом говорит его послание к Ф. Энгельсу 11 января 1860 г.: «По моему мнению, величайшие события в мире в настоящее время – это, с одной стороны, американское движение рабов, начавшееся со смерти Брауна, и, с другой стороны, – движение рабов в России» [5, с. 115].

Увы, но ничего не изменилось даже после распада СССР и замены марксистского подхода на комплексный. Как правило, авторы современных учебников не всегда придерживаются схемы последовательной смены социально-экономических формаций, но придают важное значение разделению понятий «рабство» и «крепостное право». Так, один из современных российских учебников по теории государства и права фактически ретранслирует мысль Б. Д. Грекова о том, что крепостные – это не рабы, а феодально-зависимые: «Последние, в отличие от рабов, полностью отделившихся, согласно действовавшему рабовладельческому праву, от всех средств производства, хотя и лишались права собственности на землю, однако имели свое небольшое хозяйство, обладали правом личной собственности на некоторые сельскохозяйственные орудия труда» [9, с. 145]. Еще дальше идет белорусская исследовательница доктор юридических наук В. Н. Бибило. В своей работе по теории государства и права она приравнивает крепостное право к манориальному [1, с. 84]. Что ж, если отталкиваться от определения Б. Д. Грекова, то так оно и есть. Но в таком случае понятие «крепостное право» не применимо по отношению к крепостным крестьянам Российской империи первой половины XIX в., а ведь именно для обозначения их положения оно изначально и было введено.

Почему же конструкции советских историков и современных правоведов ошибочны? Дело в том, что согласно российскому «Своду законов о состоянии людей в государстве» (1835), крепостной являлся именно частной собственностью владельца (ст. 611), мог быть куплен и продан, наказан (ст. 596), насильно переселен (ст. 605), переведен в дворовые (ст. 591), отдан в услужение посторонним людям (ст. 592), не имел прав на недвижимое имущество, в том числе на дом, в котором жил (ст. 664) [8, с. 187–209]. Таким образом, его правовой статус должен определяться как рабство.

В современной историографии накоплен определенный опыт изучения внеэкономических форм эксплуатации в прошлом, который свидетельствует о том, что зависимое положение и ограничение мобильности земледельцев без установления права собственности на них, существовало уже в античности. Так, Х. ван Вис обнаруживает данную практику в ранний архаический период в Древней Греции. Он связывает это с завоевательной политикой полисов в отношении соседей, когда подчиненное население превращалось в зависимое от государства-завоевателя. К концу архаического периода эксплуатация зависимых крестьян была вытеснена рабством, и в классический период сохранялась лишь в отношении лаконских и

месинских илотов [14]. Интересно то, что И. Фроянов таким же образом объясняет происхождение в Древней Руси зависимых от князя смердов [10, с. 98]. В этой связи стоит признать, что линейная схема последовательной смены одной формы подневольного труда другой выглядит очень спорной. Возможно, историкам следует вернуться к гипотезе В. О. Ключевского о происхождении крепостного права из холопства и не связывать его напрямую с феодальным правом на владение землей?

Корни проблемы понимания взаимосвязи двух понятий «рабство» и «крепостное право» кроются в том, что на определенном этапе исследований конструкции перестали восприниматься как условность, им были приданы свойства объективной реальности, и это, в конечном счете, привело к накоплению ошибок, которые до сих пор оказывают влияние на наше восприятие прошлого.

Библиографические ссылки:

1. Бибило В. Теория государства и права. Минск: Право и экономика, 2015
2. Гильфердинг А. Россия и славянство. М.: Институт русской цивилизации, 2009
3. Греков Б. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVIII века. Книга I. М.: Издание Академии наук СССР, 1952
4. Ключевский В. Происхождение крепостного права в России // Русская мысль. Кн. VIII. М., 1885
5. Маркс К. Избранные письма. М.: Государственное издательство политической литературы, 1947
6. Маркс К. Сочинения. Том 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959
7. Ростопчин Ф. Мысли вслух на Красном крыльце. М.: Институт русской цивилизации, 2014
8. Свод законов о состоянии людей в государстве. Спб.: Типография II отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1835
9. Теория государства и права. Часть 1. Теория государства: Учебник. / Под ред. М. Н. Марченко. М.: Издательство «Зерцало-М», 2011
10. Фроянов И. Рабство и данничество у восточных славян. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1996
11. Allain J. Contemporary Slavery And Its Definition in Law // Contemporary Slavery: Popular Rhetoric And Political Practice / Ed. by A. Bunting, J. Quirk. Vancouver: University of British Columbia Press, 2017. P. 36 - 66
12. Cooper F. Colonialism in Question: Theory, Knowledge, History. Berkeley: University of California Press, 2005
13. Patterson O. Slavery and Social Death: A Comparative Study. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1982
14. Van Wees H. Conquerors and serf: wars of conquest and forced labour in archaic Greece // Helots and Their Masters in Laconia and Messenia: Histories, Ideologies, Structures / Ed by N. Luraghi, E. Alcock. Washington: Center for Hellenic Studies, 2003. P. 33 - 80

УДК 94 (100)"05/14"+378.4 (091)

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА: УНИВЕРСИТЕТ

Е.Д. Смирнова

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь; smirnova@bsu.by*

Рассмотрен феномен средневекового университета как продукта городской среды европейской цивилизации. Выявлены типы университетов средневекового Запада, их структура, основные формы учебного процесса, повседневная жизнь

Ключевые слова: Средние века; город; университет.

INTELLECTUAL LIFE OF MEDIEVAL CITY: UNIVERSITY

A.D Smirnova

Belarusian State University, Niezavisimosti Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus; smirnova@bsu.by